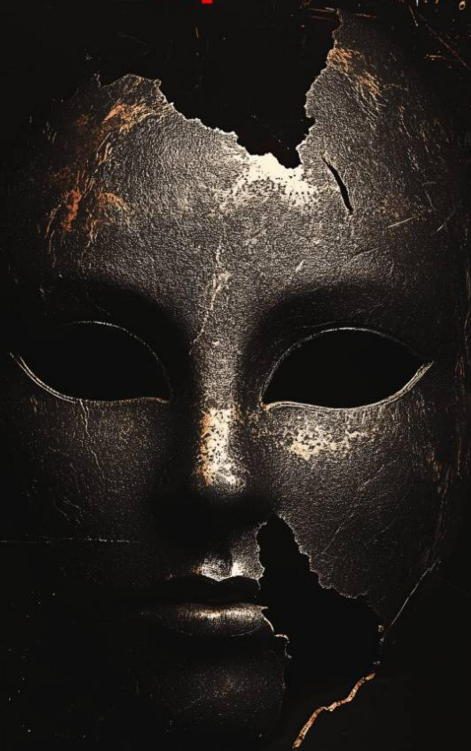

Александр Восьмой

Книга 12. «Прима и Сказка, Которая Заканчивается»

18+

Александр Восьмой

Книга 12. «Прима и Сказка, Которая Заканчивается»

<https://litres.ru/74439139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последняя книга. Корона из можжевельника обросла в кости черепа Примы — выросла, пустила корни, стала частью её. Она не чувствует тела, не чувствует боли. Чувствует только лес — каждый корень, каждого червя, каждого мертвеца под землёй. Оптима пришёл за ней с топором. Фаргус — с колоколом, который больше не звонит. Даффи — с последним хлебом из проклятой печи. Окси — без тени, но с оружием. Сиринити — считающая последние секунды. Все шестеро — там, где сказка должна закончиться. Лес против них. Зверь против них. Но сказка — за них. Потому что без героев сказка не кончается. Она гниёт. А гнить — всем надоело.

Александр Восьмой

Книга 12. «Прима и Сказка, Которая Заканчивается»

Глава 1. Тропа, которая помнит шаги

Тропа не вела — она втягивала. Каждый шаг отдавался в груди так, будто земля забирала не только вес, но и память о том, кем они были раньше. Оптима шагал первым, и топор на плече будто наливался свинцом с каждым метром — словно лес шептал: «Ты знаешь, для чего он нужен». Фаргус шёл следом, колокол на спине глухо звенел от каждого движения, хотя должен был молчать навсегда — и этот предательский звон царапал нервы. Даффи сжимал в руках хлеб — тёплый, будто из печи, что остыла неделю назад; он не решался откусить ни крошки: тепло было неестественным, живым.

Окси шла чуть в стороне — её тень исчезла ещё на опушке, и теперь казалось, что лес просто вычеркнул её из реальности, оставив лишь силуэт, сотканный из сумрака. Сиринити шептала цифры — не считала, а заклинала время: «Ещё сто шагов... ещё пятьдесят... ещё десять...» — будто если досчитает до нужного числа, тропа выпустит их. Но тропа не выпускала никого.

А впереди, там, где деревья сплелись в сплошной свод, ждала Прима. Корона из можжевельника вросла в её череп,

пустила корни сквозь кости, стала частью её. Она не чувствовала ни боли, ни холода, ни собственного тела — только пульс леса: медленный, тяжёлый, как биение сердца великана. Корни под землёй шевелились, словно прислушивались к их шагам. Лес знал, что они пришли. И ждал.

Оптимист остановился, сжал рукоять топора и тихо произнёс:

— Мы заберём её. Даже если лес будет против.

Фаргус коснулся колокола, будто хотел заставить его зазвонить — хоть раз, чтобы прогнать тишину. Даффи протянул хлеб:

— Может, это поможет.

Окси молча вытащила клинок — не для боя, а чтобы напомнить себе, что она ещё здесь. Сиринити замерла на числе «один» и прошептала:

— Дальше — без счёта. Дальше — на ощупь.

И они шагнули вперёд — туда, где сказка должна была закончиться. Но сказка держалась на них. И пока они шли, она жила.

Глава 2. Хлеб, который кормит червя

Ночь в лесу легла тяжёлым покрывалом, и даже воздух казался густым, будто пропитанным чужой усталостью. Даффи разломил хлеб — тот поддался с тихим хрустом, и запах дома, давно сгоревшего, на миг ударил в ноздри. Каждый кусок пах воспоминанием, которого больше не существовало. Даффи протянул ломти товарищам, но, едва крошки коснулись земли, почва жадно втянула их — не просто поглотила, а утащила вниз, в темноту, где шевелилось что-то голодное. Черви, муравьи, неведомые твари — все спешили к крошкам, будто те были не едой, а сигналом: «Мы здесь. Мы слабы».

Оптимист молча смотрел на это, пальцы крепче сжимали рукоять топора. Он не верил в случайности — а эта жадность земли случайностью не была. Фаргус поднял руку к колоколу на спине, будто хотел заставить его зазвонить, прогнать эту липкую тишину. Но когда он дёрнул за язык, колокол не издал ни звука — только вытолкнул тишину наружу, такую плотную, что в ней можно было разглядеть, как гниёт древесина в полумиле отсюда, как медленно оседают старые деревья, сдаваясь лесу.

— Здесь всё равно что внутри кого-то, — тихо сказала Окси, глядя в черноту между стволами. — Мы не в лесу. Мы внутри него. И он нас переваривает.

Сиринити не сводила глаз с пальцев, шевелящихся в такт чему-то невидимому.

— Двенадцать секунд, — прошептала она. — Между каждым дыханием леса. Двенадцать. Всегда двенадцать. Как будто он считает нас. Считает, сколько осталось.

Где-то впереди, там, где корни сплетались в узлы толще человеческих тел, Прима открыла глаза, которых у неё уже не было. В её тьме шевельнулись шесть точек света — крошечные, дрожащие, но упрямые. Она видела их: Оптиму с топором, Фаргуса с безмолвным колоколом, Даффи с последним хлебом, Окси без тени, Сиринити, считающую секунды. Видела — и лес тоже видел. И ждал.

Оптимист шагнул вперёд, голос прозвучал твёрдо, будто он вбивал каждое слово в землю, чтобы она не смогла их утащить:

— Мы пришли не умирать. Мы пришли забрать то, что ещё можно спасти.

Фаргус опустил руку с колокола, кивнул. Даффи спрятал остатки хлеба за пазуху — пусть лучше будет с ним, чем уйдёт в эту ненасытную землю. Окси вытащила клинок: металл блеснул и тут же растворился в темноте, но ощущение стали в руке вернуло ей чувство реальности. Сиринити перестала считать. Просто посмотрела на Оптимиста и тихо сказала:

— Дальше — без счёта. Дальше — на ощупь.

И они двинулись вперёд, сквозь дыхание леса, сквозь его голод, сквозь тишину, которая хотела их заглушить. Сказка

держалась на их шагах. И пока они шли — она жила.

Глава 3. Тень, которую никто не отбрасывает

Тропа сузилась до нити — казалось, ещё шаг, и деревья сомкнутся, стирая путников из мира. Окси шла первой, и в этом была её странная сила: без тени она становилась для леса невидимкой. Он не чувствовал её шагов, не слышал дыхания — она существовала для него не больше, чем камень. Но камень не плачет во сне. А Окси плакала.

Её потерянная тень не исчезла — она ушла в лес и стала чем-то иным. Теперь она ползла параллельно тропе, повторяя движения Окси, но с задержкой в три удара сердца. Сиринити считала эту задержку, и цифры царапали слух: «Три... два... один...» — задержка сокращалась. Лес подбирался ближе.

Фаргус молча нёс колокол — тяжёлый, бесполезный, но он не мог его бросить. Нести — это всё, что он умел, и в этой тяжести была его опора. Даффи доедал последний хлеб, но вкуса не чувствовал — и это было страшнее всего. Если хлеб теряет вкус, значит, он кончается. И вместе с ним кончается что-то ещё — надежда, память, дом.

Оптимаша шагал следом, топор на плече казался не оружием, а продолжением его воли — твёрдой, упрямой, не готовой сдаваться. Между деревьями тянулись тонкие нити корней, будто лес пытался связать их, удержать, заставить остаться здесь навсегда.

Вдруг Окси остановилась, подняла клинок — не вперёд, а вбок, туда, где воздух дрожал, как над горячей землёй.

— Она рядом, — прошептала она. — Моя тень. Она больше не моя.

Сиринити сжала кулаки, голос дрогнул, но прозвучал чётко:

— Задержка — один удар. Дальше считать нечего.

Фаргус наконец опустил колокол, прислонил к стволу — будто сдавал бесполезную клятву.

— Пусть молчит, — сказал он. — Если он зазвонит сейчас, мы оглохнем от того, что услышим.

Даффи спрятал последнюю крошку в карман, словно это был талисман.

— Я не отдам ему даже это, — пробормотал он.

Оптимист посмотрел на Окси — в её глазах была не только боль, но и решимость.

— Ты видишь её, — тихо сказал он. — Значит, можешь ударить. Бей, когда будет нужно. Мы прикроем.

Окси кивнула. Её тень шевельнулась в темноте — уже не с задержкой, а в такт её дыханию. Она становилась частью леса. Но пока Окси держала клинок, она оставалась собой.

И они пошли дальше — не потому, что знали путь, а потому, что остановиться значило сдаться. Сказка не могла закончиться здесь, среди корней и теней. Она держалась на их упрямстве, на их страхе, на том, что каждый из них всё ещё хотел вернуться. И пока они шли — она жила.

Глава 4. Череп, который цветёт

Оптима первым заметил знак — выбеленный временем череп оленя, будто вросший в землю. Из пустых глазниц тянулись побеги можжевельника, тяжёлые от чёрных ягод. Запах ударил резко: больничная чистота и сладкое детство, смешанные в одну горькую правду. Оптима замахнулся топором, чтобы срубить эти побеги, разорвать связь, но лезвие не просто вошло в пустоту — оно застряло. Не в кости, не в древесине, а в самом воздухе, густом, как смола, будто лес держал металл своими невидимыми пальцами.

Фаргус провёл ладонью по коре ближайшего дерева — и вдруг замер. Под пальцами кора вздрагивала, и сквозь шероховатость проступал звук: не скрип, не стон от боли, а низкий, тягучий вздох — почти удовольствие. Дерево не страдало. Оно насыщалось. Лес не просто жил — он рос, впитывая всё, что попадалось на пути.

Даффи стоял чуть позади, сжимая в кармане последнюю крошку хлеба. Он не решался её съесть — теперь ему казалось, что даже эта крошка станет пищей для леса, и тогда лес станет чуть сильнее. Окси смотрела в темноту, где её соб-

ственная тень уже не была просто отсутствием света — она стала чем-то, что дышит рядом, повторяет движения, сливается с корнями.

Сиринити больше не считала секунды. Она стояла неподвижно, прислушиваясь к ритму, который пробивался сквозь шорох листвы и скрип коры. Раз в двенадцать секунд земля вздыхала — тяжело, глубоко, как живое сердце. И Сиринити ждала. Не считала — ждала удара. Потому что теперь она знала: это не лес бьётся. Это Прима.

— Корона не завоевала лес, — тихо произнёс Оптима, не отводя взгляда от застрявшего топора. — Она стала лесом. А Прима... Прима — его сердце.

Фаргус опустил руку с дерева, будто сбрасывая с себя чужую память.

— Тогда мы не можем просто забрать её, — сказал он. — Мы должны вырвать её из этого ритма. Пока оно не стало её единственным голосом.

Окси шагнула ближе, клинок в её руке блеснул на долю мгновения и снова растворился в полумраке.

— Я вижу тропу, — прошептала она. — Там, где тени сплетаются в узлы. Она там. Прима там.

Даффи сжал кулак, пряча крошку ещё глубже.

— Значит, идём, — сказал он, и в его голосе прозвучала

упрямая решимость. — Даже если этот лес хочет, чтобы мы остались.

Оптимист потянул топор, и лезвие наконец вышло из вязкого воздуха с низким, скрежещущим звуком, будто лес неохотно отпускал свою добычу.

— Мы не останемся, — твёрдо сказал он. — Мы вернём то, что ещё можно вернуть.

Они двинулись вперёд — мимо цветущего черепа, мимо стонущих деревьев, мимо ритма, который пытался их убаюкать. Лес хотел, чтобы они стали частью его тишины. Но у них были голоса, шаги, страх и упрямство — и пока они шли, сказка не могла закончиться. Она жила.

Глава 5. Печь, которая не остыла

Третья ночь легла на лес, как тяжёлый пепел — серая, беззвёздная, пропитанная запахом гари и чего-то давно забытого. Даффи сидел, прислонившись к стволу, и впервые заговорил о печи — не шёпотом, не намёком, а прямо, будто слова могли растопить этот стылый воздух.

— Она пекла хлеб сорок лет, — тихо сказал он, глядя в темноту, будто там, среди переплетённых корней, всё ещё тлел жар. — Для всей деревни. Каждый день. А потом деревня перестала дышать. Но печь не выключилась. Она просто... ждала.

Оптимист слушал, сжимая рукоять топора. Фаргус держал

колокол не как груз, а как якорь — чтобы не унесло в этот чужой, тягучий шёпот ночи. Окси стояла чуть в стороне, клинок лежал у неё на коленях, тускло отсвечивая в редком лунном луче, который пробивался сквозь кроны. Сиринити не считала — она прислушивалась к тишине, выискивая в ней ритм, который уже не был человеческим.

Даффи сжал в пальцах последний каравай — тот самый, из проклятой печи. Теперь он знал: проклятие было не в хлебе. Проклятие было в голоде, который не исчезал, даже когда всё вокруг умирало.

— Печь не проклята, — повторил Даффи, и голос его стал твёрже. — Она голодна. И этот голод... он такой же, как под землёй. Как в черепе оленя, из которого растёт можжевельник. Как в каждом корне, что тянется к мёртвым. Лес и печь — одно и то же.

Он поднял глаза на остальных, и в его взгляде была не просто усталость, а понимание, от которого становилось холодно.

— Прима — это и есть печь, — тихо произнёс он. — Топка, хлеб, огонь и голод — всё в одном. Замкнутое кольцо. И пока оно крутится, лес будет расти.

Окси медленно подняла клинок, будто проверяя, насколько он реален по сравнению с этой правдой.

— Если мы её накормим, — прошептала она, — она успокоится?

Никто не ответил. Не потому, что не слышали. А потому,

что ответ был известен всем. И он был — «нет». Накормить этот голод нельзя. Он только разрастётся.

Фаргус наконец опустил колокол на землю — не со стуком, а осторожно, словно боялся разбудить что-то спящее под корнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.